Мы продолжаем публикацию глав из книги Елены Говор в авторском переводе. История семьи Ильиных, эмигрировавших в Австралию в 1910 году, где они связали свою судьбу с австралийскими аборигенами, тесно переплетена с их русским прошлым. Семейные предания о нем сохранили и австралийские аборигены, и потомки Ильиных из Гондураса. Мы возвращаемся к истории Ильиных в тот момент, когда Николай Ильин, потрясенный картиной Н.Н. Ге «Что есть истина?» на свой страх и риск везет ее на выставку заграницу. Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор http://elena.id.au

Елена ГОВОР

Мой темнокожий брат:
История Ильиных, русско-аборигенской семьи
ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? (окончание главы)

Отец и сын

Испытания, которые выпали на долю Николая заграницей, разделил с ним и его восьмилетний сын, Леандр. В его духовном развитии этот год оказался решающим.

Незадолго до отъезда Николай посвятил Леандру в день ангела стихи-завет:

Чтоб я тебя, дитя, считал
Моим желанным, милым сыном,
Будь просвещенным гражданином;
Храни на сердце идеал
Добра и правды; с меньшим братом
Крохой последней поделись;
А перед сильным супостатом
Сломися лучше, но не гнись.[1]

В этом небольшом, безыскусном, «домашнем» стихотворении, написанном главой внешне благополучной петербургской семьи, сказано чрезвычайно много. Оно позволяет заглянуть в суть отношений Николая со своим сыном, во многом понять и самого Николая, и судьбу мальчика, и судьбу эпохи. Естественная любовь между «дитятей» и отцом восходит на новую ступень: мальчику предстоит заслужить звание «желанного сына». Сдержанная мужская любовь отца сочетается с глубоко осознанной жертвенностью: не каждый отец пожелает ребенку «сломиться», но не «согнуться», то есть погибнуть, но не изменить своим идеалам. (Годы спустя, в Австралии, Леандр напишет: «Люди умирают за свои принципы», и для него это будут не просто слова). Необходимость этого нравственного максимализма глубоко осознана отцом, и он не скрывает от своего восьмилетнего сына неблагополучие, несправедливость окружающего общества, в котором власть находится в руках всесильных «супостатов». Общее настроение тревоги, предчувствие грядущих испытаний выражено и в завете делиться с «меньшим братом крохой последней». Понятие «меньшего брата» здесь многозначно: это не только реальные младшие братья Картерий и Ромелий – пожелание заботиться о них было бы самым естественным для семейного стихотворения, – но это и символический «меньший брат» – народ. Традиционный завет хранить «на сердце идеал добра и правды» Николай дополняет пожеланием «быть просвещенным гражданином», то есть не ограничивать «добро и правду» кругом близких людей, но активно, сознательно проводить эти идеалы в жизнь всего общества и государства.

Такие нравственные требования были нередки в среде русских интеллигентов-демократов того времени. Удивительна была попытка применить эти идеалы на практике, осуществлявшаяся в семье Ильиных уже многие годы. Леандр, хотя и не старший сын, был первым «настоящим» сыном Николая – сыном, которого он сам назвал, которого он растил с самого детства, с которым никогда не расставался. В глубине души Николай надеялся, что хотя его собственные попытки жить с соответствии со своими идеалами иногда терпели фиаско, этот мальчик искупит все его ошибки. И как это ни странно, именно так и произошло.

Очевидно, что эти высокие нравственные требования не могли возникнуть лишь в результате голого морализаторства. И действительно, в дневнике Николая есть ряд замечаний, помогающих понять систему его взглядов на воспитание, которая для того времени была нова и необычна. Начать с того, что мужчины в то время очень мало вникали в жизнь ребенка в его ранние годы. Это была всецело сфера деятельности матерей и нянь. Совсем другим было отношение Николая. Из-за границы он пишет о детях своей жене, увлекшийся учением Толстого о девственности: «Эти крошки, ... ласкающие тебя своими ручонками; их лепет,

наблюдение за тем, как они растут, как складывается их характер, появление зубов у грудного ребенка, кормление его грудью, все это твое единственное счастье».[2] Так о ранних годах ребенка мог написать лишь мужчина, с самого начала разделявший с женой радости и хлопоты ухода за ним.

Далее, Николай пишет о своем понимании потребностей ребенка, противоречащем господствующей в обществе системе воспитания. «Бедное дитя, родившееся в ученом и умном девятнадцатом веке; бедное, достойное сожаления! Молодой глаз просит зелени, солнца, голубого неба; легкие – воздуха; мускулы – простора, движения; нервы – впечатления, ... физической деятельности, размаха, свободы, детской предприимчивости; а сердечко детское, и оно тоже просит – теплоты, ласки, сочувствия, понимания его детских интересов, внимания к ним. И ни легкие, ни мускулы, ни нервы, ни сердце не находят необходимой им пищи. Вместо нее, ребенка, едва лишь успевшего окрепнуть, начинают школить по шаблону гениального века. Малейшая попытка поиграть, развернуть свои силы, охлаждается сухим – "*tenez-vous droit*, *soyez tranquille*"[3] в переводе на русский, немецкий, английский языки. Пятилетний ребенок с осанкою и манерами взрослого, выдержанного денди – вот идеал современного дитяти; к девяти годам в нем уже сдавлено, смято все детское; он благовоспитан, скромен по внешности, покорен взгляду старшего; он не смутит своих родителей несвоевременными вопросами детской любознательности; в резвой игре с товарищами не сомнет своего дорогого модного костюмчика и не нашумит по соседству с кабинетом занятого делами отца. И не замечает никто, что вместе с резвостью из него вырваны задатки воли и самодеятельности; что школа комильфотности убила любознательность и подвижность; что культурно городская дрессировка уничтожила его впечатлительность в самом ее зародыше; что в результате с этого прекрасного растения оборваны все еще нераспустившиеся почки даров божеских, и, вместо развивающегося человека, получается лишь увеличивающийся с годами в объеме, движущийся манекен. Школьный режим того же типа, в связи с непосильным грузом различных суррогатов знаний, большею частью совершенно ненужных для ума и сердца, довершают развитие в том же направлении».

По мнению Николая важнейшая роль в том, чтобы дети не превращались в ходячие «манекены», принадлежит родителям. Часто ли бывает дружба между детьми и родителями – вопрошает он. «Не встречается ли чаще вместо нее со стороны родителей настойчивое требование от детей любви и уважения, при неумении согреть и поддержать эту любовь». Способность понять «душу ребенка», выслушать его, интересоваться его «ребяческими впечатлениями» – вот залог того, чтобы дети почувствовали к своим родителям «искреннюю любовь и дружбу». Как важно, считал Николай, чтобы молодой человек, «полный сил, восприимчивый к впечатлениям, ... способный увлекаться и восхищаться, да не просто умеренно и рассчитано, а захлебнуться, утонуть в этом увлечении, забыть все окружающее и, в то же время, чувствовать себя охваченным жаждою благородной деятельности, жажды опасностей, подвигов», имел условия для приложения своих сил.[4]

Не о себе самом ли он говорил? Не была ли вся его взрослая жизнь попыткой компенсировать то, что он недополучил в детстве и юности? Теперь, когда он сам стал отцом, он не хотел повторять этих ошибок со своими детьми, их он был намерен воспитать в соответствии со своими новаторскими идеалами, следуя которым он жил сам. Такую же жизнь он теперь готовил и для своих детей.

Но вернемся к восьмилетнему Леандру, бойкому, веселому, смуглолицему мальчику с большими черными глазами. Как преломлялось в жизни мальчика нравственное кредо, провозглашенное отцом? Отец решает взять его с собой за границу для помощи в организации выставки, надеясь, что Леандр поможет ему с английским языком, который сам Николай знал плохо.[5] Ребенку предоставляются условия, когда он может по-настоящему применить свои знания и стать соратником отца. Но это влечет за собой и первое серьезное испытание – предстоит впервые надолго расстаться с матерью, с семьей, с домом. И вот трогательная сцена прощания на пароходе, увозящем Николая и Леандра в Европу: «Леандр, ранее ребячески веселый и беззаботный, как-то присмирел и стал серьезен...

– До свидания, моя бесценная крошка, береги папу, помогай ему», – звучит последнее напутствие матери.

Корабль медленно отходит от берега. «Сердце мое сильно сжалось; – пишет Николай, – я взглянул на Леандра. Мальчик не отрывает глаз от матери и на щеках его блеснули две слезинки; он готов разрыдаться.

– Лена, милый! Ты ли это? Ты, такой молодец, огорчишь маму слезами?

– Нет, – не буду, папочка... – И дрожащей рукой ребенок размазал слезы по щекам, как будто улыбнулся и часто, часто замахал платком» .[6]

Итак, во время первого серьезного испытания Леандр получает совет от обоих родителей – думать, заботиться о другом. И

слова матери «береги папу, помогай ему», вместо вполне естественных для этого возраста «слушайся папу, веди себя хорошо», будут «всамделишными», и жизнь столкнет отца и сына с ситуациями, когда помощь маленького Леандра станет жизненно важной.

Рассказывая об устройстве выставки в Гамбурге, Николай как бы вскользь упоминает о Леандре: «Всех мелочей и не перечесть, а из них складывался такой каторжный день, что к вечеру мы с Леандром совершенно выбивались из сил».[7] Чувствуется, что для отца отношение к сыну как к равному совершенно естественно, так же как для Леандра естественна серьезная помощь отцу. Более того, сын выступает для отца нравственным ориентиром. Николай, «человек образцово трезвый», вынужден был в силу местных традиций пригласить газетных репортеров на всю ночь в пивную и «с омерзением» глотать «пиво кружку за кружкою». Уже на рассвете он вернулся в свой номер. «Мой мальчик, – пишет он, – проснулся от произведенного мною шума.

– Папа, милый, ты так поздно? Что это с тобой? – спросил он, обвив мою шею своими голыми, горячими ручонками, и поцеловал меня.

– Ой, папочка, как от тебя нехорошо пивом пахнет.

Впору провалиться сквозь землю...».[8]

По мере того как время шло, а выставка приносила только убытки, Николай впадал все в большую депрессию, вплоть до мыслей о самоубийстве, и, вполне возможно, только присутствие Леандра спасло его от рокового шага. «Ленушка весел, радостен, – пишет он жене. – Жаль его, слезы душат, глядя на его веселье. ... А какой он милый мальчик, какая добрая душа и умный какой; все, с кем только приходится сталкиваться, от него в восхищении».[9] К ноябрю финансовое положение было настолько тяжелым, что питался он с Леандром «хлебом с маслом, да кое-чем».[10] «Денег было так мало, – пишет Николай, - что еще в бытность мою в Берлине я в сильные холода щеголял в летнем пальто, за что поплатился жестокой простудой». Леандр был одет не лучше. В таком виде они и отправились в декабре 1890 г. из Гамбурга в Америку пассажирами межпалубного пространства, где было так же холодно, как и на палубе. Море покрылось льдинами; резкий, леденящий ветер пронизывал их насквозь. «Я смертельно боялся за Лену, который стоически переносил холод и голод, – пишет Николай. – Вчера я заметил, что по его посиневшим щекам сбегали слезы.

– Лена, ты плачешь, моя голубка? Ты совсем озяб?

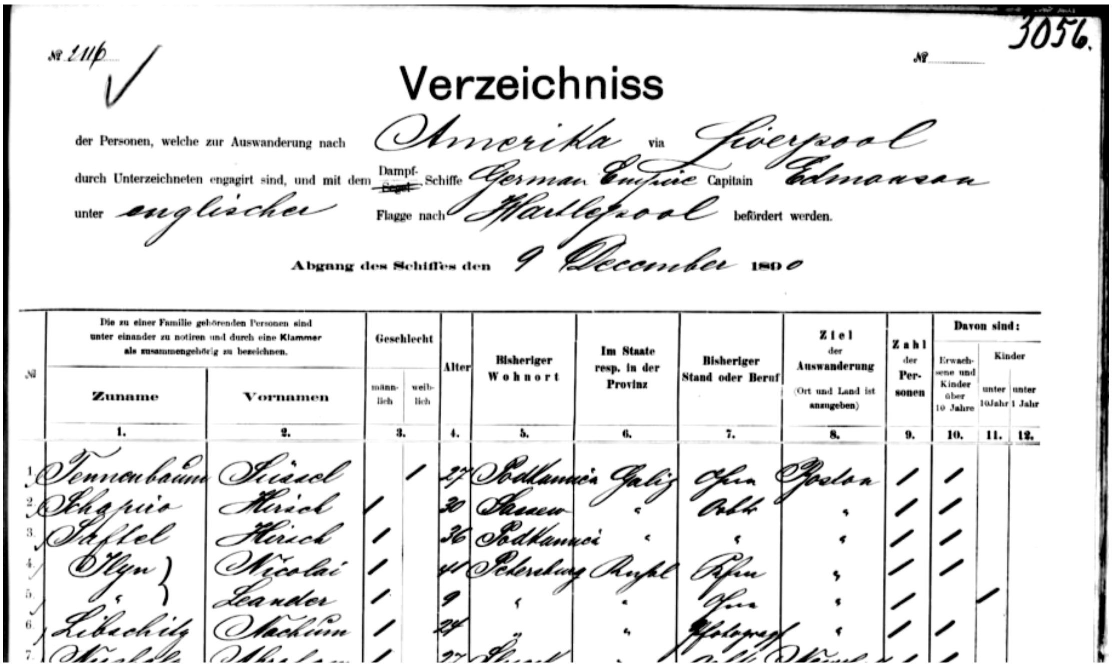
– Нет, папочка, я совсем не плачу – это мороз слезы выжимает, – ответил мальчик, а губы синие и едва шевелятся; однако он действительно плакал и не хотел сознаваться, что ему холодно; мало того – чтобы заставить его завернуться во что-нибудь, мне нужно было строго ему приказывать – он непременно хотел, чтобы теплее одевался я».[11] Да, этот мальчик, выросший в состоятельной семье, в доме, где были няня, гувернантка, репетитор, горничная, кухарка, а главное – материнская забота, с честью выдержал первое жизненное испытание. Это не просто отсутствие детского эгоизма, а сознательная жертвенность во имя отца, которого он безмерно уважает и любит. Ведь они соратники по общему важному делу.

То же осознание сопричастности к «делу» и непоколебимого авторитета отца объясняет поведение Леандра и в следующей критической ситуации. При пересадке в Англии на «Сервию», трансатлантический корабль, Николай обнаружил пропажу тюка с декорациями для картины. Оставив Леандра присматривать за вещами, погруженными на связующий пароход, доставлявший пассажиров с пристани на «Сервию», он спустился на пристань искать багаж и не заметил, как пароходик отошел, увозя Леандра. «"Подождите, остановитесь! Мой мальчик, сын мой там!" – кричал я то по-немецки, то по-русски, бросаясь как безумный по пристани» – пишет Николай. Сначала над ним смеялись, но наконец перевезли на корабль на буксирном пароходике. «Все мои помыслы были около Леандра, который, вероятно, страшно перепугался, очутившись совершенно один на пароходе, готовом отплыть в океан». Бросившись искать Леандра, Николай «был немного озадачен тем, что никто из пассажиров не мог дать нам указания, где мальчик. Ведь, очевидно, искал же он меня, ждал, плакал; если, конечно, он тут на пароходе... Покинутое дитя восьми лет должно же было обратить на себя общее внимание». И тут он услышал «спокойный детский оклик "Папочка!"... Я оглянулся и вижу целую пирамиду сундуков, ящиков, тюков; а высоко на ее вершине выделяется маленькая фигурка моего Лены. Спокойно спустившись к нам, мальчик объяснил, что он все время наблюдал за целостью наших вещей, не упускал их из виду в то время, когда их переносили с транспорта на "Сервию", и вот все они теперь по его указанию сгруппированы в одно место.

– И ты не испугался, когда пароход отчалил без меня...?

– Чего же мне было пугаться. Ты знаешь, что делаешь; я был уверен, что ты явишься вовремя... – отвечал мальчик совершенно спокойно».

Тут подвезли и затерявшийся тюк с багажом.[12]


№ 2116

3056.

Verzeichniss

der Personen, welche zur Auswanderung nach Amerika via Liverpool durch Unterzeichneten engagirt sind, und mit dem Dampf-Segel-Schiffe German Empire Capitain Edmanson unter englischer Flagge nach Hartlepool befördert werden.

Abgang des Schiffes den 9 December 1890

№	Zuname	Vornamen	Geschlecht männlich	Geschlecht weiblich	Alter	Bisheriger Wohnort	Im Staate resp. in der Provinz	Bisheriger Stand oder Beruf	Ziel der Auswanderung (Ort und Land ist anzugeben)	Zahl der Personen	Erwachsene und Kinder über 10 Jahre	Kinder unter 10 Jahr	Kinder unter 1 Jahr
	1.	2.	3.		4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.
1	Tennenbaum	Israel		/	27	Podkamien	Galiz	Ohne	Boston	/	/		
2	Schapiro	Hirsch	/		20	Sassow	"	Arbt	"	/	/		
3	Saftel	Hirsch	/		36	Podkamien	"	"	"	/	/		
4	Ilyin	Nicolai	/		44	Petersburg	Russl	Ohne	"	/	/		
5	"	Leander	/		9	"	"	Ohne	"	/		/	
6	Libschitz	Nachum	/		24	"	"	[illegible]	"	/	/		

Отец, конечно, брал на себя огромную ответственность, отправляясь с мальчиком в тяжелое, по существу совершенно авантюрное путешествие, рискуя его здоровьем, заставляя его переносить холод и голод. Но, может быть, все это искупило одно утро после бури, когда их глазам открылась «удивительная картина. Мачты, дымовые трубы, реи, канаты, блоки, собранные паруса, палуба, все до последней мелочи было покрыто более чем на вершок слоем льда, ... словом "Сервия" обратилась в фантастическое, хрустальное судно». Или ни с чем не сравнимое волнение, когда «при первых лучах восходящего солнца» перед ними раскинулось «грандиозное зрелище» Нью-Йоркской гавани, и Новый Свет предстал во всей своей красоте и мощи. «Ленка мой ... кричит ура; глазенки его блестят, личико пылает; будь что будет, но манекеном ему не бывать», – подводит Николай итог своим раздумьям.[13]

И Америка в полной мере предоставила Леандру условия проявить себя. Едва сойдя на американскую землю, Леандр тут же выступает в роли переводчика. «И этот черномазый мальчуган тоже русский?» интересуются таможенные чиновники, удивленные смуглостью его кожи. Но стоило ему заговорить по-английски, как «янки пришли в восхищение». И вскоре уже, когда Николай ушел хлопотать относительно таможенного налога на картину, Леандр сидел рядом с директором таможни, который кормил его сладкими пирожками и объяснял картинки в иллюстрированном американском журнале. Когда же началась выставка, Леандр, одетый в русскую рубашку и плисовые штанишки, был посажен работать кассиром. «Леандр прекрасно справляется со своей новой обязанностью, – пишет отец. – Дамы очень им интересуются. Многие говорят мне, что мой сын представляет для них больше интереса, чем картина». Живой красивый русский мальчик, бойко говоривший по-английски, был, по мнению американцев, хорошей рекламой. «Теперь я ничем пренебрегать не стану», – писал Николай, находившийся в отчаянном финансовом положении. Леандр настолько освоился в новой роли, что отец оставил его одного с выставкой в Бостоне, а сам на несколько дней уехал в Нью-Йорк в попытке организовать выставку и там.[14]

У мальчика даже появились свои собственные друзья. В Бостоне госпожа Р-с, одна из богатейших женщин Америки, представительница американской аристократии, была так очарована Леандром, что сначала привозила ему изысканные лакомства, а потом прислала приглашение в гости, написав: «Я вижу в вас прекрасного мальчика, подающего надежды обратиться в благородного гражданина своей земли». С разрешения отца он дважды побывал у нее в гостях и «много рассказывал о великолепии ее дома и обстановки, различного рода механических и электрических сюрпризах, о том, как она была с ним ласкова», называя его «своим маленьким другом». Другая дама, американка из Чикаго, наблюдавшая работу Леандро, заявила Николаю, что «эта поездка дает прекрасную практическую школу» мальчику, так как «познать жизнь и людей есть действительное образование». Николай и сам потом убедился, что многие американцы начинают свою карьеру не с университетского образования, а с практической школы жизни, с практического освоения профессии.[15]

Но вот и пришла пора покинуть Америку. Леандр несомненно понимал, что их миссия не увенчалась успехом, что они потерпели

большие убытки, что отца ждут в России неприятности. Но и когда измученные, вконец обнищавшие Леандр с отцом вновь отправились через Атлантический океан в межпалубном пространстве, мальчик, несмотря на все неудачи, не утратил прежней жертвенной любви к отцу. Николай писал, что в этом путешествии положение осложнилось еще и тем, что ему и Леандру приходилось «все время выносить самые оскорбительные выходки, ругань, толчки» от ирландцев, которые сочли их евреями. «Для меня это временная случайность; еврей же всю жизнь выносит такое обращение. Как же им не очерстветь и не проникнуться в свою очередь ненавистью к окружающим!» – размышлял Николай. Кульминация наступила, когда, защищая Леандра от ударившего его ирландца, Николай («давно ли еще толстовец», – иронизирует он над собой) встретил нападение обидчика с раскрытым складным ножом в руке. Ирландец отступил, и больше их с Леандром не трогали. Кстати, своим детям и внукам Леандро запомнился как человек, умевший дать отпор обидчикам и насмешникам.

Николай, который ко времени этого конфликта был уже сильно простужен, свалился с сильнейшим нервным расстройством, ночью впал в бред и в течение семи дней находился между жизнью и смертью, часто теряя сознание. В эти дни тяжелые страдания вызывали у него мысли о жене и детях, и особенно о Леандре. В случае смерти он просил своих спутников-евреев сдать мальчика русскому консулу в Ливерпуле. Но любовь и забота Леандра вернули Николая к жизни. «Мальчик ухаживал за мной с трогательным вниманием, с заботливостью, не свойственными его летам. Когда меня мучила ночью жажда, он полураздетый вскакивал спросонок, пропадал где-то и приносил мне воду. Я полагал, что он доставал ее где-нибудь поблизости; но впоследствии оказалось, что он выходил наверх, в холодную, нередко бурную ночь, выжидая удобный момент, пробегал через палубу, заливаемую волнами, накачивал кружку воды и издрогший, мокрый возвращался ко мне».[16]

Но на этом их испытания не кончились. Застряв на пять дней без денег в Ливерпуле, «ночуя в ночлежном доме и почти буквально голодая», они часами бесцельно бродили по улицам. Вслушаемся, как сдержанно ведет себя Леандр, с каким тактом разговаривает с отцом:

«– Папа, я есть хочу, – обращается ко мне ребенок, а у меня всего три шиллинга на пять с лишком дней; в них и продовольствие, и квартирная плата.

– Посмотри, Лена, какие красивые игрушки, – говорю я ему, притворяясь, что не расслышал его слов. Мальчик забудется и смотрит в окна магазина.

– Папочка, ведь есть хочется?...

– Ах да... вот еще эту улицу пройдем.

Проходим "эту улицу".

– Папа, я голоден; милый, я есть хочу...

Смотрю – слезы у ребенка в три ручья. Купишь булку и рассчитываешь – как бы дотянуть до получки [денег из России]».[17]

К счастью деньги в конце-концов пришли, и вот, наконец, «забывши пережитые лишения, тревоги, неудачи и опасности, мы мчались с моим мальчишкой в Петербург, сгорая от нетерпения скорее увидеть дорогих нам людей и бесконечно варьируя в нашей фантазии обстановку и детали предстоящей встречи». И встреча их не разочаровала, они просто окунулись в море любви. Но если Николай вызывал скорее сочувствие родных, то Леандр стал подлинным «героем дня» – «молодой янки и все тут», – писал Николай о нем на последних страницах дневника.[18]

Восемь месяцев на чужбине, пережитые вместе испытания чрезвычайно сблизили Николая и Леандра. Произошло то, чего и желал Николай мальчику год назад в своем стихотворении – Леандр из «дитяти» превратился в «сына». Практическая школа жизни, в которую окунул его отец, не подозревая всей ее тяжести и жестокости, конечно, расширила его кругозор. Но главным результатом этой поездки было не приобретение практических навыков и знаний, как это представлялось американцам – сторонникам подобного метода воспитания. Главным был чисто русский результат – нравственное взросление ребенка. Ведь по существу именно это и было отличительной чертой русского интеллигента – нравственные приобретения как следствие испытаний, вызванных неприспособленностью к практической жизни.

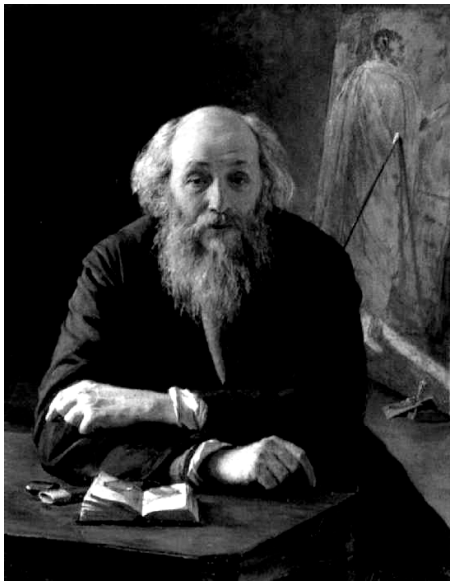
«Дневник толстовца»

Окончательный разрыв Ильина с Ге и разочарование в Толстом и толстовстве, результатом которого стала публикация его книги «Дневник толстовца», уходит своими корнями в фиаско, которое потерпела его поездка с выставкой картины Ге заграницу. Финансовая сторона этого дела дала Ге повод для обвинения Ильина в недобросовестности, и дело, действительно, было очень запутанным, так как денежные вопросы переплелись здесь с моральными. С самого начала Ге предложил Ильину устроить выставку картины за его, Ильина, счет и взять себе всю полученную прибыль. Ильины запомнили великодушные слова Ге: «Берите ее и делайте с ней, что хотите, – продавайте, показывайте, как сами знаете», поскольку ему самому нужно было только моральное удовлетворение. Ильин принял предложение

Ге, но настаивал на том, что доходы от выставки он разделит с художником. Эти два толстовца, как кажется, хотели перещеголять друг друга в щедрости и презрении к деньгам. И каждый из них считал, что он облагодетельствовал другого. Вопрос о том, на кого ляжет финансовая ответственность в том случае, если выставка принесет не прибыль, а убыток, даже не обсуждался.

В июне 1890 года Павел Третьяков, основатель Третьяковской галереи, по настоянию Толстого купил картину за 5000 рублей. Ильин искренне полагал, что у него было моральное, если не юридическое право использовать эти деньги для организации выставок. Уезжая в Европу, он взял 2000 рублей из денег, выданных Третьяковым в качестве задатка. Однако этих денег было недостаточно и Ильин, несмотря на то, что у него уже были долги, добавил еще свои деньги и, как он пишет в «Дневнике», собирался «захватить тысячу залога служащих», которые он надеялся вернуть после поездки. Уезжая в августе 1890 г., он писал Ге: «Деньги Ваши (2000 р.) я увожу все и рискую, что, может быть, вы меня заругаете. Присовокупил тут еще и свою тысячу и 200 р. на устройство освещения и драпировки».[19]

Из России Ильин должен был ехать прямо в Америку, и Толстой написал несколько писем своим американским друзьям и последователям с просьбой поддержать выставку. Прибыв в Гамбург, Ильин переменил свои планы и решил сначала устроить выставку в Германии. Здесь он экспонировал картину в Гамбурге, Берлине, Ганновере и Эльберфельде (Вуппертале). Отзывы в газетах были самые одобрительные, но посетителей было мало и финансовый результат оказался плачевным.



Н. Ярошенко. Портрет Николая Ге.

Все деньги (2000 рублей, полученных от Третьякова, и 1200 своих) Ильин растратил за три месяца на переезды, страховку, наем залов для выставки, рекламу и приемы для газетчиков. Ему не оставалось ничего другого как обратиться к Ге за помощью. Тот выслал ему еще 1000 рублей, и на эти деньги Ильин отправился с картиной в Америку. В январе–марте 1891 года он провел выставки в Бостоне, Провиденсе и Балтиморе, но и они не принесли финансового успеха. Недовольство Ге непрактичностью Ильина и его финансовым провалом все увеличивалось, Ильин, узнав об этом, в свою очередь почувствовал неприязнь к своему недавнему кумиру. В марте 1891 года Ге, наконец, настоял, чтобы Ильин привез картину обратно в Россию, и прислал ему еще денег на обратную дорогу и страховку.

Вернувшись в Петербург в апреле 1891 года, Ильин был потрясен холодностью Ге и с горечью писал ему: «Я восемь месяцев работал, как каторжник, меня ела вошь (платяная), я голодал, дрог в холоде и в вони с ребенком... Я не виноват, что мы не имели материального успеха; но, судя по тому, как Вы мне передавали картину, я и не думал, что Вам нужен материальный успех; я полагал, что и нравственный для Вас имеет цену; я же устроил Вам не успех, а триумф, лавры. За это и за мой труд я, право, был достоин хотя бы искреннего спасиба. Дорогой Николай Николаевич, Вы мне его не сказали». Что касается денег, то Ильин полагал, что он может рассчитывать хотя бы на часть тех 3000 рублей, которые оставались еще от продажи картины Третьякову, эти деньги могли бы покрыть его расходы и долги, которые у него возникли в результате поездки. Ге, напротив, считал, что оставшиеся деньги принадлежат ему, и получил их у Третьякова. Более того, он дал понять Ильину, что тот должен вернуть ему и 3000 рублей с лишком, которые он дал ему за время поездки. Узнал Ильин и о подозрениях Ге, который, согласно «Дневнику толстовца», заявил Ильину: «Материальный неуспех произошел оттого, что вы занимались чем-нибудь другим, а не выставкой». Вполне возможно, что разговоры о том, что Ильин был одержимым карточным игроком, дошли до Ге. Ильину ничего не оставалось, как призвать Леандра, который и подтвердил, что во время поездки они занимались только выставкой. Но это был еще не конец.

Теперь Ильины боялись самого худшего. В письме Ге Ильин писал: «Конечно, если мы будем говорить о формальном, юридическом праве, то я не могу с Вас ничего требовать; но если дело идет о праве совести, то я предоставляю Вам решать – могу ли я быть уверенным, что наступил тот момент, когда Н.Н. Ге избавит меня от опасности сесть на

скамью подсудимых, а моего сына ... от неизбежной участи [расплачиваться] за мои долги». Николай знал, как Ге любил Леандро. Александра тоже, забыв, как еще недавно она боготворила «дедушку» как своего единственного друга и опору, обрушилась на Ге с нападками: «Вы ловко смогли обойти меня с Колей и выжать из нас все, что только могли для Вашего тщеславия и кармана. Я давно стала замечать Вашу фальшь… Теперь Вы для меня вполне ясны».[20] Это были последние письма Ильиных Ге, но не их последнее слово. Хотя Ге больше и не требовал с Ильина долга, Николай вскоре нанес упреждающий удар, опубликовав «Дневник толстовца».

«Дневник толстовца» – произведение необычного жанра. Это своеобразная смесь личного дневника с путевыми заметками, пронизанная философскими и полемическими рассуждениями. Дневник в том виде, как он был опубликован, отнюдь не дневник в подлинном смысле слова, несомненно, что он писался по памяти, задним числом, уже после разрыва Ильина с Ге. Например, первая запись в нем, датированная 10 марта 1890 г., рассказывает о визите Николая на выставку передвижников, где он был потрясен картиной Ге; в тот же вечер он написал ему письмо. В действительности же картина Ге была снята с выставки уже 7 марта, а первое письмо Николая к Ге было написано 26 февраля 1890 г. Подобные несоответствия есть и в других датах. Очевидно, что многие ранние записи в дневнике окрашены позднейшей неприязнью Николая к Ге и толстовцам. Это, конечно, не исключает того, что Николай вел путевой дневник во время поездки в Европу и Америку и при написании «Дневника толстовца» использовал его, а также свою переписку с женой, которые и легли в основу опубликованной версии дневника. Вместе с тем я полагаю, что Николай не искажал событий сознательно, поскольку рядом с ним был свидетель – его сын Леандр, разделивший с отцом все тяготы путешествия; перед лицом его Николай не посмел бы сознательно исказить ни одного факта. И, наконец, этот дневник, хоть и написанный задним числом, прекрасное свидетельство о личности самого Николая – он сказал в нем именно то, что хотел сказать.

«Дневник» был опубликован в начале 1892 года, и критики не заставили себя долго ждать. Несколько правых, анти-толстовских изданий отметили, что книга разоблачает «фальшь духовно отравленного лицемерия Толстого», но другие отнеслись к ней как к пасквилю. Обозреватели осуждали не критику Ильиным идей Толстого (не он один критиковал их в те годы), а недостойное вторжение в личную жизнь Толстого. Не удивительно, что и личность самого Ильина, которая является центральной фигурой в этом «Дневнике», тоже вызвала много нареканий. «Мелкая натура, изъеденная самолюбием и снедаемая жаждой европейской славы», – писал о нем критик в «Северном вестнике», добавляя, что этот «недоучившийся невежда ... личные счеты и темные гражданские аферы» прикрывает «пошлыми дрянными рассуждениями». Одни обвиняли Ильина в «нравственном убожестве», «беспорядочности ума и характера», другие искренно недоумевали по поводу его альтруистического решения взяться за организацию выставки. «Трудно представить себе что-либо более трагикомичное, чем этот г. Ильин... Романтизм и наивность г. Ильина превосходят всякое вероятие... Он разоряет семью, залезает по уши в долги, доходит вместе с ребенком до полной нищеты, голода» – и все ради того, чтобы показать миру картину. Художник Илья Репин писал о книге с негодованием: «“Дневник толстовца” Ильина – подловатая вещь. Этот шулер или психопат пренаивно жалуется, что он не успел ободрать Ге до нитки. За 6 мес. вояжа истребовал от Ге более 4 тыс. и т.к. тот не имел уже пятой, этот наивный мазурик Ильин, со своей женой вкупе, напечатал пасквиль и на Ге, и на Толстого, да ведь какой!! Разживется еще и на книжке, – продажа ее идет бойко. К черту эту мразь!»[21]

«Шулер или психопат», – современники не видели другого объяснения поступкам Ильина. Искусствовед Стасов, написавший работу о творчестве Ге и имевший в своем распоряжении письма Ильиных к художнику, склонялся к первому. Он утверждал, что все факты и даты в книге были «выдуманы и искажены», что Ильин, опасаясь попасть на скамью подсудимых, «надеялся привлечь к себе скандальной книжкой внимание публики».[22] Толстой и Ге, напротив, считали Ильина психически больным. Ге писал их общему знакомому Якубовскому: «Ильина я вообще жалею, догадавшись, что он не совсем нормальный человек... Книгу я его не читал и не буду читать, чтобы не иметь против него неприятного чувства». «Я думаю, что он не только неправильный человек, но что он просто ненормальный; он болен, иначе нельзя объяснить такую бестолковость при таких делах. Обыкновенно эти люди умны, по крайней мере хитры, а он очень плох. Ну, да Бог с ним».[23] Толстой, годы спустя, снова вспомнил об Ильине. Кенворти, – писал он, – «напоминает мне Ильина, возившего картину Ге. Он сумасшедший, но в сумасшествии, как в пьянстве, проявляется то, что таилось прежде».[24]

Современные исследователи творчества Ге считают книгу Ильина клеветой на Ге и

Толстого, называя Ильина человеком, «не лишенным прожектерского духа», полагая, что он хотел сделать деньги сначала на выставке картины, а потом на книге.[25]

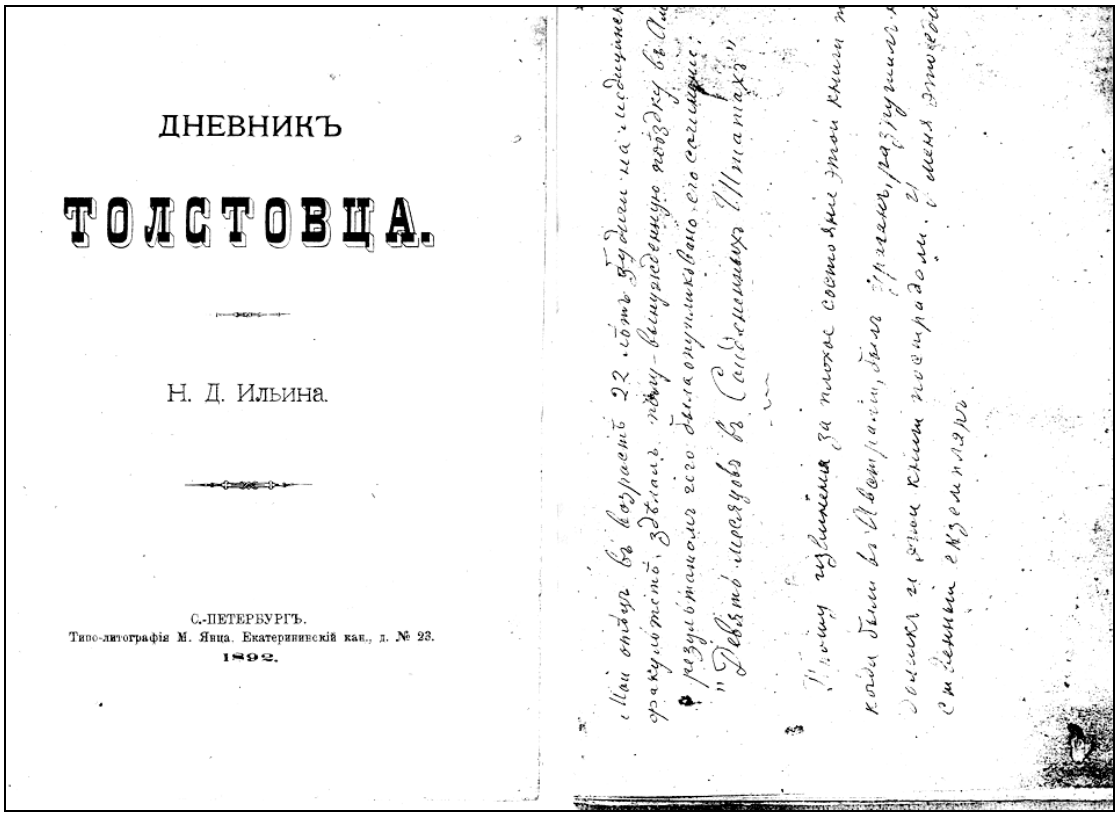
Именно такой малосимпатичной личностью Николаю Ильину и суждено было бы войти в историю литературы, но личность нашего героя не вмещается, как кажется, в привычные оценки.

И действительно, почему бы не поверить утверждению Николая, что его предложение организовать эту выставку за свой счет, оставив семью без денег, – необъяснимое с точки зрения здравого смысла, – было искренним самопожертвованием во имя Христа, такого, какого он увидел на картине Ге? И когда он, наивно и неумело взявшийся за это дело, испытал неимоверные трудности и лишения, с ним рядом никого не оказалось кроме Леандра. Все остальные, включая его кумиров – Ге и Толстого, сохранили здравый смысл и, в отличие от Ильина, не сняли последнюю рубашку с тела. В письме к Ге из Америки он писал: «Вы меня косвенно упрекнули в нервности, дорогой Николай Николаевич! Нервность, как и все прочее, имеет свои границы. Если человека бьют выше тех сил, которые ему дает природа, то является и нервность и отчаяние. Моя жизнь совершенно разбита, и я пришел к тому, что жду ее конца как чего-то желанного».[26] Николай не был подобен Христу, каким он, возможно, видел себя самого в своем воображении. Когда силы его были исчерпаны, в ответ на то, что он считал предательством, он ударил как простой смертный.

книга, точнее ее конкретный экземпляр, тоже имеет свою судьбу. Вместе со своим автором она долго колесила по свету. Однажды, узнав о смерти Аракина, он вписал в книгу новую строфу к стихам о своем высокопоставленном обидчике: «И от величья земного развенчанный / спит под плитою подлец». Не знаю, перечитывал ли он «Дневник», но очевидно, что реальность жизни все больше заслоняла теоретизирования далекого прошлого. И, наконец, эта реальность вторглась в судьбу книги в самом прямом смысле слова.

На обложке книги приписка рукой Ромелио: «Прошу извинения за плохое состояние этой книги, так как когда были в Австралии, ... ураган разрушил наш домик и эти книги пострадали. У меня это единственный экземпляр».[27] Это был знаменитый циклон, обрушившийся на Атертон 10 марта 1918 года. Он унес конец книги, опустив его где-то в лесных ущельях... Уцелевшие страницы в истрепанном переплете отправились с Ильиными в Гондурас, а потом в США. В январе 1996 года мне позвонил Леандро Ильин, сын Ромелио, который привез в Австралию копию сохранившихся страниц. Он, едва знающий русские буквы, бережно хранил эту реликвию своего деда, не подозревая, как исступленно бьется на этих страницах его мысль, его живой голос, взывая к своим потомкам и ко всем нам: «услышьте меня, поймите меня». Этот голос обрывался на полуслове на утраченных страницах, но потом снова и снова утверждал свою правоту...

К



ДНЕВНИКЪ

ТОЛСТОВЦА.

Н. Д. Ильина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. Янца. Екатерининскій кан., д. № 23.
1892.

Н

иколай писал в своей автобиографии, что «Дневник толстовца» он «долго колебался выпустить, но желание огласить с болью пережитое превозмогло некоторые практические соображения». Превыше всего ему надо было излить душу, и его не могла остановить даже неминуемая враждебность критики и читателей. Теперь, когда книга вышла в свет, предстояло испытать эту враждебность в полной мере. В письме Николая Семену Венгерову, собиравшему материалы для биобиблиографического словаря русских писателей, есть странная фраза: «Откровенно говоря, я сам не знаю, как отнестись к своей книге, чего она стоит... Пока у меня одно лишь сознание, что я не сочинял, а писал пережитое, перечувствованное и происходившее. Быть может я фальшиво чувствовал, думал, понимал; быть может даже скверно, нечестно; но пусть же, Бога ради, укажут мне это разумно, беспристрастно».[28]

Он действительно не знал, «сочинил» ли он свою историю, и о ком он написал книгу – о себе или о своем воображаемом двойнике. Муки совести переплетались с исступленным желанием доказать свою правоту, герой сливался с антигероем. Он действительно не знал, как те слезы, что текли по его щекам, когда он впервые увидел Христа Николая Ге, и его преклонение перед художником, и переворот в его душе, вызванный «Крейцеровой сонатой» – как все это обратилось в его нынешнее состояние – преданного, разоренного, обездоленного человека. И как та светлая весна 1890 года превратилась в тоскливую осень 1892 года?

А на пороге стояла зима, и зимы в Петербурге были совсем не такие как в его детстве, в Ильинке; здесь они были бесконечными и темными…

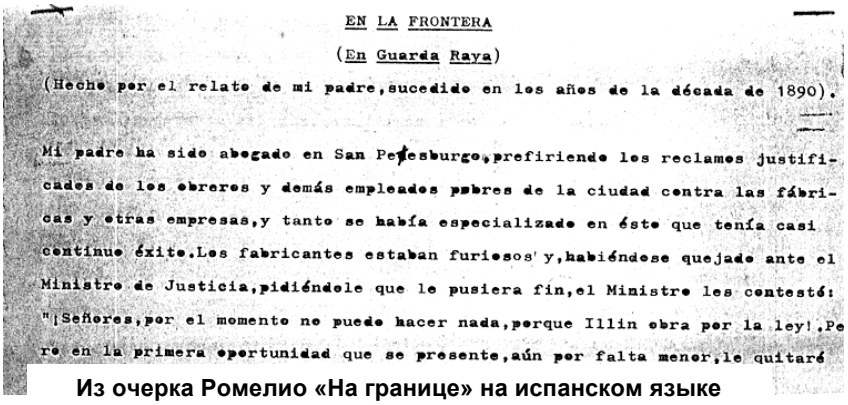
«Словно загнанный зверь»

«Дневник толстовца» был опубликован в феврале 1892 года, а осенью Николай бежал из России, и, «словно загнанный зверь», по его собственным словам, в конце-концов добрался до Аргентины. Александра и их младшие дети смогли воссоединиться с ним только пять лет спустя. Я долго не могла выяснить, чем были вызваны эти драматические события, а объяснения, которые я слышала от разных ветвей семьи Ильиных, расходились друг с другом.

Аборигены, дети Леандро, сохранили несколько версий обстоятельств побега Николая. Флора, старшая дочь Леандро, упоминает этот побег несколько раз в своих письмах: «Он выступал против царского режима. Ему пришлось бежать. Они хотели его убить». «Он написал свои слова к французскому национальному гимну «Марсельезе» и пел ее на улице; и тут ему пришлось бежать, потому что они после этого собирались убить его. Кто-то помог ему бежать... Он даже не смог зайти домой. Так нам отец рассказывал». Эрни, ее сын, тоже помнит о «Марсельезе»: «Однажды он взобрался на улице на ящик и пропел «Марсельезу» на свои слова». Гарри, младший брат Флоры, помнил рассказы более смутно, но в его памяти тоже запечатлелась некая смертельная угроза: «Он покинул Россию, потому что он пытался там помогать бедным людям. Он видел, что будет война. Он ничего не мог сделать и должен был бежать оттуда, потому что если бы его поймали, ему было не сносить головы». Лули, их младшая сестра, говорила, что «хотя они и были богатыми, они были за бедных людей, и им пришлось бежать, потому что их должны были убить, там был бунт» (этот рассказ Лули помнит Нола, ее дочь).

Дик, старший сын Леандро, в радиоинтервью рассказал о том, как Николай ездил в Америку, где он должен был обратить американцев в коммунистов. Вернувшись в Россию, он разочаровался в этом плане. «А в это время у них было пятьсот или около того русских, которые не хотели быть коммунистами, они сидели в тюрьме. А он был судьей, он освободил их всех. Это было примерно в 1876 году. Когда он их освободил, он отправился домой, его встретил мой отец, ему тогда было 8 лет, и он просил Николая не возвращаться домой, потому что его схватят. И тогда он бежал. Сначала в Германию, потом во Францию, Монголию, в конце концов он попал в Аргентину». В памяти Дика смешалось несколько историй, одна из них совпадает с воспоминаниями Ромелио: «Отец мой был послан в Среднюю Азию, в Ташкент, судебным следователем при окончательном покорении страны генералом Черняевым. Тюрьмы были полны недопрошенными преступниками (более трехсот арестованных). Мой отец в течение месяца допросил всех, освободив до двухсот [человек], признанных невиновными». Однако события эти относятся к началу 1880-х годов, и с бегством Николая в Аргентину никак не связаны. Дочери Дика слышали от него еще одну версию: «Прадед [Николай] в суде защищал людей, которые, он считал, были правы. Он выиграл дело и еще не покинул свою контору, когда солдаты пришли к нему домой арестовать его. Прабабушка [Александра] узнала об этом и послала нашего деда [Леандро] предупредить его, чтобы он не возвращался домой в эту ночь. И они бежали в чем были… Прадед должен был покинуть Россию, а то бы его убили».[29]

Нелли, американская внучка Леандро, сообщает об обстоятельствах самого побега: «Мой дедушка должен был покинуть Россию,



EN LA FRONTERA

(En Guarda Raya)

(Hecho por el relato de mi padre, sucedido en los años de la década de 1890).

Mi padre ha sido abogado en San Petesburgo, prefiriendo los reclamos justificados de los obreros y demás empleados pobres de la ciudad contra las fábricas y otras empresas, y tanto se había especializado en éste que tenía casi continuo éxito. Los fabricantes estaban furiosos y, habiéndose quejado ante el Ministro de Justicia, pidiéndole que le pusiera fin, el Ministro les contestó: "¡Señores, por el momento no puede hacer nada, porque Illin obra por la ley! Pero en la primera oportunidad que se presente, aún por falta menor, le quitaré

Из очерка Ромелио «На границе» на испанском языке

потому что друг предупредил его, что его придут арестовать и посоветовал ему бежать. Тогда он взял кое-какие вещи и все деньги, которые у них были дома, оставил мою бабушку со всеми детьми и бежал из России. Была зима, и земля была покрыта снегом. Он завернулся в простыню и прополз по снегу через границу с Германией, и оттуда он в конце-концов добрался до Аргентины».[30]

И, наконец, версия Ромелио, сына Николая.

«Мой отец неосмотрительно купил оборудование для печати, что было строго запрещено и считалось таким же серьезным нарушением как иметь оружие без разрешения. Несомненно, тайная полиция об этом узнала. Неожиданно мой отец был вызван в третье отделение (политическая полиция). Там его послали в кабинет начальника отделения. Представьте себе его удивление, когда он узнал в этом начальнике друга его детских и школьных лет, Александра Бутурлина, который ласково обнял его и сказал: "Николай, ты никак не мог ожидать встретить меня здесь, но ты видишь, как по-разному складывается жизнь! А теперь к делу, не будем терять ни минуты. У меня лежит ордер на твой арест. В память о нашей детской дружбе я хочу помочь тебе спастись, но ты должен сделать то, что я тебе скажу. Садись на первый поезд, который отходит сегодня в сторону границы, и возьми с собой свой паспорт. Если ты задержишься до завтрашнего дня, я уже не смогу тебе помочь".

Быстро пожав ему руку, он добавил с грустной улыбкой: "Ты понимаешь, что я действую вопреки своим должностным инструкциям? Я желаю тебе успеха. Но торопись".

Вернувшись домой и рассказав все это моей бедной матери, которую он оставлял одну с тремя маленькими детьми (нами), отец взял все деньги, что были в доме, до копейки, и другие ценности, такие как обручальные кольца, мой крестильный крестик, часы и т.п. Паспорт у него был в порядке и, оставляя свою бедную, беззащитную семью с тяжелым сердцем, он, не теряя ни минуты, бросился на вокзал и сел в поезд, отправлявшийся к русско-австрийской границе».

Остальная часть истории - это детальный живой рассказ о нелегальном переходе границы. Приехав в Броды, пограничную станцию, Николай, несмотря на то, что у него был паспорт, принял предложение местного еврея-контрабандиста, занимавшегося этим промыслом. Ночью, двигаясь к границе, они попались в руки пограничного разъезда, но Николай сумел убедить стражу, что он здесь в деловой поездке, и его не арестовали. Помогло и то, что Иван, один из стражников, оказался сыном его бывших крепостных. Во второй раз евреи-контрабандисты не подвели, и Николай благополучно перешел границу.[31]

Попытка найти ключ к этой запутанной истории в творчестве Николая тоже не увенчалась успехом. В своих стихах он воспевает революционные чувства своего лирического героя, однако без каких-либо конкретных деталей.

Но, было время, – сердце билось,
Сильнее волновалась кровь
И к правде чистая любовь
Горела в ней, и правда эта
Была желанной и святой....
Борьбы я жаждал; жаждал света;
Притворства, лжи не выносил
И с ранней юности рассвета
Себя врагом их объявил.

В своей автобиографической поэме «Отец и сын» Николай рассказывает, как они, борцы за правду, были преданы «серой толпой», которая не поддержала их в решающий момент. В другом автобиографическом стихотворении «Покаяние» он сожалеет о том, что

...когда появился
Масс народных бестрепетный друг,
Вместе с ним я идти не решился...[32]

Тем не менее в предисловии к сборнику своей революционной поэзии, изданной в Париже без цензуры, он изображает свой отъезд заграницу в другом свете, без какого-либо упоминания о своей революционной деятельности: «С выпуском "Дневника толстовца" Н. Д. [Ильин] как бы сжигает за собою свои корабли и ... становится на

новую колею духовного пути. Он уезжает заграницу, живет год в Швейцарии, а затем направляется в Аргентину».[33]

Слухи, которые ходили в это время о Николае в Петербурге, показывают отчуждение петербургского общества от него. Так, Николай Ге в марте 1892 года, вскоре после публикации «Дневника», писал Толстому: «Должно быть, его прошлое очень нехорошо, так как его не принимают и говорят о нем или мало, или неодобрительно».[34] В июле 1893 года в письме Якубовскому Ге писал о новых нелицеприятных слухах, циркулировавших об Ильине в Петербурге: «Случайно узнал я от товарища прокурора N, что бедный Ильин попался, столько дел наделал, что против него составили целое дело. Пока он удрал в Вену, а семья брошена на произвол судьбы».[35]

Трудно состыковать все эти версии бегства Николая. Наверно проще всего было бы счесть рассказы, которые сохранились в памяти детей и внуков Николая, искажением реальных событий, искажением «правды», но я научилась уважать эти семейные предания, какими бы неправдоподобными они не казались на первый взгляд. Например, в одном из своих первых писем Флора писала о своем отце, Леандро: «Он покинул Россию, когда ему было одиннадцать лет, и он один поехал туда, где был его отец, в Южную Америку. Бабушка послала его потому, что дедушка был там один, остальные члены семьи присоединились к ним через два-три года». Ну, как поверить такой истории! Но через год я услышала ту же историю от гондурасских потомков Николая: «Александра (Баба) послала Леандро с деньгами, завязанными в мешочек, в Аргентину, с ним ехала женщина, и она по дороге украла все его деньги». Мешочек с деньгами – деталь, которая делает всю эту невероятную историю почти правдоподобной. А потом появились и факты. Согласно пассажирским спискам, Александра приехала в Аргентину в 1897 году лишь с двумя младшими детьми, Ромелием и Ариадной, без Леандра.[36] Это значит, что Леандр действительно отправился в Аргентину один, чтобы заботиться об отце (?!), когда ему было одиннадцать лет... Воистину в семье Ильиных самые невероятные вещи могли быть правдой!

И все же, на какой бы из версий побега мы не остановились – криминальной или политической, будь то распевание «Марсельезы», хранение печатного станка или защита кого-либо в суде – они не могут объяснить страх Николая быть убитым. Все эти «преступления» не тянут на «высшую меру» даже в царской России.

А может быть ключ лежит в совсем другом семейном предании, записанном Сэмом Маккаем из Гондураса?

«Николай участвовал в коммунистическом движении, но со временем он понял, что коммунизм это не то, что он думал, и он отстранился от них. Он участвовал в политике с Лениным, Троцким и Керенским. Керенский бежал в Англию. Троцкий отправился в Мехико, где его выследили и убили. Ленин остался в России, а Николай уехал в Европу. Потом он отправился в Аргентину в 1898 году, когда он обнаружил, что коммунисты выслеживали его, чтобы убить за то, что он покинул их ряды. Николай написал книгу против большевиков.

После его отъезда в Аргентину русские коммунистические агенты приехали туда, чтобы разыскать и убить его. Они поймали его и отвели на берег моря, они свалили его, и он упал замертво, и его бросили в море. Они думали, что он мертв, но он выжил, потому что, когда его бросили в море, прилив был очень низким. Эти русские агенты вернулись в Россию и объявили, что Николай мертв. Поскольку теперь Александру считали вдовой, то правительство разрешило ей выехать из России с Ромелием и Ариадной, их детьми».[37]

Эта история, при всех ее более поздних наслоениях и искажениях, имеет важное зерно истины. Если считать, что под коммунистами, которые появились гораздо позже, Сэм имеет в виду просто революционеров, то история покажется не такой уж фантастической. Такие истории случались и в России (достаточно вспомнить «Бесов» Достоевского), и за границей, в той же Аргентине. Русский художник Сергей Праотцев, современник Николая, бывший революционер, пошел на сотрудничество с охранкой. После этого ему пришлось бежать в Аргентину, но вскоре тамошняя русская колония узнала, что он доносчик. Русские сделали несколько попыток убить его за предательство, и Праотцев, в конце концов, бежал в парагвайские джунгли.[38]

Николай тоже прятался в Аргентине. Его внучка Нелли пишет, что «он работал для ботанического сада в музее [в Буэнос-Айресе] и затем отправился в Патагонию, чтобы уехать подальше и быть в безопасности».[39] Остается фактом, что даже в Патагонии он поселился с семьей в самом отдаленном горном районе, на границе с Чили – это была своего рода нейтральная полоса между двумя странами. Да, история о том, что его преследовали члены революционной организации, с которой он больше не хотел иметь дела, вполне возможна, но как увязать с ней вторую часть истории – о том, что Александре разрешили покинуть Россию, только когда Николай был объявлен умершим?

Но и этот сюжет семейных преданий, пусть, казалось бы, фантастический, имеет под собой основу. Другие члены семьи тоже о

ней слышали. Нелли вспоминает: «Он жил в Патагонии много лет и тайно переписывался с моей бабушкой. Ей пришлось остаться в России в течение семи лет, пока ее не объявили вдовой, муж которой умер. Тогда моя бабушка получила разрешение и поехала в Аргентину». Стасов, в своей книге о Ге, опубликованной в 1904 году, рассказывая об Ильине, добавляет: «Теперь уже давно умерший». Комментаторы к собранию сочинений Толстого даже указывают год смерти Ильина – 1895.[40] Но тут опять неувязка. Ни политическая деятельность Николая, ни его «преступления» не давали оснований для запрета на выезд за границу его жене и детям, и поэтому совсем не нужно было объявлять его мертвым и ждать несколько лет разрешения на выезд (царская Россия – это все-таки не сталинский Советский Союз).

Такая драматическая революционная деятельность, в которую, как явствует из семейных преданий, был вовлечен Николай, не могла не отразиться в архивных документах. В течение нескольких лет я просила моих коллег в России помочь, и в конце концов все возможные источники информации были проверены – биографические справочники революционеров, архивы охранки в Москве и в Петербурге, документы Тамбовской гимназии.[41] Поиск оказался безрезультатным. Наш Николай Ильин не был упомянут ни в одном из справочников революционных деятелей. Александр Бутурлин (человек, который, согласно Ромелио, учился с Николаем в гимназии, и, будучи начальником охранки, предупредил его о надвигающемся аресте) тоже оказался фантомом – он не учился в Тамбове вместе с Николаем и не возглавлял охранку.

Одна за другой нити в прошлое обрывались... Где же истина, спрашивала я себя, как мне ее найти? И мне подумалось, что, может быть, нам вообще не суждено до нее докопаться, если только сам Николай этого не позволит. Мне ничего не оставалось делать, как ждать. И он позволил.

Интермеццо
Кубок царицы

Одно из семейных преданий Ильиных – о храбром моряке – насчитывало более двух веков. Впервые я услышала его от Нелли, внучки Николая.

«Один из предков деда, Деметрио, служил в военно-морском флоте, когда была война с Турцией. Его командир сказал, что если кто-нибудь из них подожжет паруса одного из кораблей, то, при том ветре, что дул в тот момент, загорятся все паруса, и они выиграют сражение. И тогда Деметрио с другом вызвались на это дело. Они пропустили несколько стаканчиков для храбрости, отправились, подожгли паруса, и все получилось, как говорил командир, они выиграли сражение, потому что загорелись все паруса. Его друга убило и вся слава за их подвиг выпала на долю Деметрио.

Царица приказала, чтобы он предстал перед ней, он так и сделал, но к тому времени он уже немало выпил, ведь его поздравляли все друзья. И вот, когда он предстал перед царицей, он поклонился ей и, не удержавшись, свалился ничком прямо перед ней. Царица рассердилась, что вполне понятно. Она взяла кубок и сказала: «Я пью за его здоровье и дарю ему этот кубок, пусть и дальше пьет». И вот этот кубок хранился в нашей семье у дедушки [Николая]. В конце концов в знак признания заслуг [нашего предка] его именем назвали корабль «Лейтенант Деметрио Иллин», а мой дедушка подарил кубок этому кораблю. Он взял Леандро или Ромелио, я не знаю точно которого из них, когда корабль зашел в Буэнос-Айрес, и они поднялись на борт и видели там этот кубок. Позже корабль участвовал в бою с японцами, и они его потопили, и кубок пошел на дно вместе с кораблем. Такой у него был конец».

Версия Сэма Маккая из Гондураса добавляет этой легенде испанские и мифологические элементы.

«Димитрий Сергеевич Ильин был лейтенантом русского военно-морского флота. Его мать была крестьянкой из Саратова. Димитрий Сергеевич сжег турецкий флот в Чесменском заливе и ... стал Чесменским героем. Царица, королева России, праздновала победу и подняла тост в честь Димитрия. Осушив бокал, она попросила слугу позвать Димитрия, чтобы дать ему этот бокал, но тот напился в таверне, празднуя победу. В таком состоянии его привели к царице, он опустился перед ней на колени и его стошнило прямо ей под ноги. Несмотря на это, царица дала ему бокал, чтобы он продолжал праздновать. Димитрий умер в деревне Ильинка в бедности, потому что его стошнило под ноги царицы.

Через восемьдесят лет после его смерти в честь него назвали военный корабль “Лейтенант Димитрий Сергеевич Иллин”. Командовал кораблем капитан Вирилов. Николай Ильин дал бокал капитану Вирилову до отъезда из России. В городе Тамбове есть памятник Димитрию».[42]

На другой стороне земного шара аборигенские правнучки Николая – Гленда и Вера – показали мне медаль, которую, как они полагали, Екатерина Великая дала Ильину, «герою, разбомбившему турецкие корабли во время войны». Это оказалась древняя

овальная иконка святых Петра и Павла, которая, как они помнили, «когда-то имела пурпурную ленту для подвешивания».[43]

Вариант Ромелио, сына Николая, был наименее мифологизированным: «Прадед Дмитрия Николаевича, то есть моего дедушки, лейтенант Дмитрий Сергеевич, сжег турецкий флот в Чесменской бухте под командой Алексея Орлова и адмирала Грейга в 1770 году. Не был вознагражден императрицей, так как на юбилее праздника, напоенный товарищами, стошнил перед царицей. Царица освирепела и не дала никакой награды. Он умер в бедности. Друзья советовали просить прощения, но он отказался, говоря, что он помог выиграть войну с Турцией».[44]

Услышав эти истории, я почувствовала, что они так долго сохранялись в семье и, по существу, превратились в миф не случайно – этот миф должен был, по какой-то внутренней логике, сыграть свою потаенную роль в воссоздании семейной истории Ильиных. Но сначала я решила проверить, был ли реальный исторический герой, который дал толчок созданию этого мифа. Оказалось, что был, и, более того, факты его жизни принадлежат, как кажется, тоже к области мифа.

Дмитрий Сергеевич Ильин, родившийся в 1738 году, окончил Морской кадетский корпус, служил в Балтийском флоте и в 1769 году получил чин лейтенанта. В составе русской военно-морской эскадры он был отправлен из Петербурга вокруг Европы в Эгейское море к берегам Турции для участия в русско-турецкой войне. В это время русские, после первого сражения при Чесме, блокировали турецкий флот, в два раза более многочисленный, чем их собственный. Двое русских – лейтенант Дмитрий Ильин и князь Василий Гагарин – и два англичанина на русской службе – Эльфистон Дугдаль и Томас Макензи – вызвались подвести четыре русских брандера и поджечь турецкий флот. Генерал И.А. Ганнибал[45] руководил техническим обеспечением этого плана. Риск для четырех смельчаков был огромный. Они должны были подойти к кораблям противника под непрерывным обстрелом, сцепиться с вражеским судном, поджечь свой брандер, нагруженный взрывчатыми веществами, а самим спастись в гребной лодке.

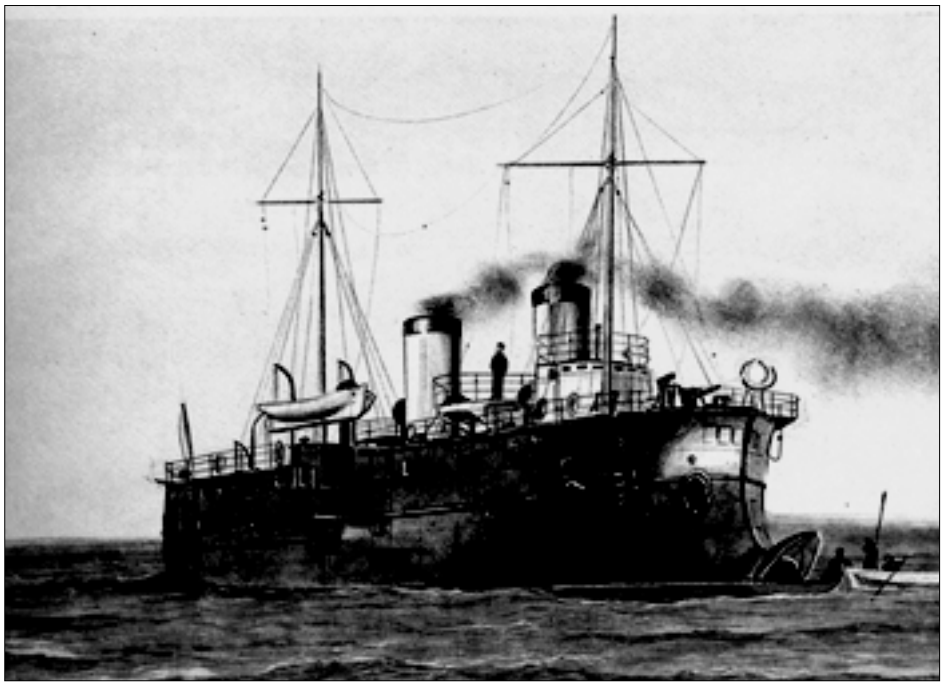
Лунной ночью 26 июня (7 июля) 1770 года началась атака. Из четырех брандеров только Ильину, под перекрестным огнем, удалось приблизиться к турецкому линейному кораблю. Помогло его необыкновенное везение – турки приняли его брандер за русских перебежчиков и в последний момент прекратили обстрел. Но не менее важны были и его отвага и хладнокровие, которые поразили всех, наблюдавших эту сцену. «Подошед к турецкому кораблю с полным экипажем находящемуся, – писал участник событий, – в глазах их положил брандкугель в корабль и зажегши брандер возвратился без всякой торопливости с присутствием духа, как и прочие, назад». Рассказывали, что, отойдя немного на шлюпке, он приказал сушить весла и остановился полюбоваться на результат. В этот момент начались взрывы. Огонь осветил ужасную картину – вода была покрыта телами людей и обломками кораблей. Турецкие корабли стояли так близко друг к другу, что вскоре огонь охватил весь флот; корабли взлетали на воздух, когда взрывались запасы пороха на них, а артиллерия с русских кораблей вела в это время непрерывный обстрел. К утру турецкий флот, около 70 кораблей, был полностью уничтожен, из 15-тысячного войска противника остались в живых только 4 тысячи. После многолетнего упадка, который переживал русский флот в то время, это был первый триумф, достигнутый, прежде всего, благодаря русской отваге.

Чесменский бой. С гравюры XVIII века

Командующий эскадрой граф Алексей Григорьевич Орлов, участник дворцового переворота и один из фаворитов Екатерины, сообщил ей о подвиге Ильина. Адмиралтейств-коллегия тоже выражала свою благодарность участникам сражения, «...а паче господину Ильину, которого храбрость и твердость духа справедливо не токмо похвалы, но и удивления достойны...». Екатерина наградила Ильина орденом Святого Георгия 4 степени. Русский поэт Михаил Херасков воспел «Чесмесский бой» и подвиг Ильина в пышной оде:

Как будто нес главу Горгоны к ним в руках;
Окаменение Ильин навел и страх;
Он бросил молнию в их плавающи домы,
Ударили со всех сторон российски громы...

В отличие от своих начальников, Ильин, тем не менее, не получил повышения в звании. Справедливость восторжествовала только в 1776 году, когда ему было присвоено звание капитана 2 ранга и его задним числом «велено считать в оном чине с 1770 года, июня с 26-го». В следующем году он вышел в отставку в звании капитана 1 ранга по болезни (эпилепсия). Остаток жизни он провел в бедности и забвении в своем родовом сельце Демидиха Весьегонского уезда Тверской губернии. После его смерти 19 (31) июля 1802 года нищета его двух дочерей, Екатерины и Александры, тронула душу другого русского писателя, Гавриила Геракова, который, воззвав к Александру I, выхлопотал им пенсион. Спустя более чем столетие Россия, наконец, вспомнила своего героя. В честь Ильина было названо несколько кораблей. В 1886-1910 гг. в составе Балтийского флота плавал минный крейсер «Лейтенант Ильин»; с 1916 года его имя носил эскадренный миноносец, который потом был переименован в «Гарибальди», «Троцкого» и «Войкова». В 2000 году, в связи с 230-летием победы русского флота в Чесменском сражении, имя Ильина было присвоено базовому тральщику Черноморского флота.[46]



Минный крейсер «Лейтенант Ильин»

Личность Дмитрия Ильина, запечатленная в исторических документах и в семейных преданиях, дает основание рассматривать его и как мифологического героя, причем героя двуликого – возвышенного, «парадного» героя и его противоположность – трикстера, шута, сказочного дурачка. В рассказе Нелли имя Ильина возникает в связи с огнем – обычным атрибутом культурного героя, – но это огонь разрушительный, в отличие от огня Прометея и других «положительных» культурных героев. Победа над злыми силами, «не-людьми» (в случае Ильина это «неверные» турки) – еще один из атрибутов мифологического героя. Его подвиг приобретает космологические черты смерти и возрождения, наш герой не только чудесным образом избегает собственной смерти, но и возрождает славу русского флота. Ильин удивлял современников своей храбростью,

граничившей с безрассудством, от которого до безумия – один шаг. И действительно, в рассказе Нелли Ильин предстает отнюдь не возвышенным героем, а чуть ли не фольклорным Иванушкой: «Тогда Деметрио с другом вызвались на это дело. Они пропустили несколько стаканчиков для храбрости, отправились, подожгли паруса...»

Кульминация истории – когда царица вручает кубок Ильину – в полной мере обнажает двойственную натуру героя. Интересно, что кубок[47] упоминается в этом предании три раза, в самые критические

моменты, причем каждый раз в составе важной мифологической оппозиции между верхом и низом. Сначала он возникает как двусмысленный подарок царицы, когда верх и низ поменялись местами: Дмитрий, именно в тот момент, когда царская милость должна была вознести его на вершину, падает ничком и его рвет; тем не менее царская награда возвеличивает, поднимает его, но в шутовской, карнавальной форме: «Я пью за его здоровье и дарю ему этот кубок, пусть и дальше пьет», – говорит царица. Таким образом в ответ на профанацию торжества, которую совершает герой, на его попытку разрушить социальную иерархию, низвести царицу до своего уровня, находчивая царица отвечает на том же гротескном языке: он получает в подарок кубок, который олицетворяет двойственность его натуры – возвышенной и низменной, после чего социальная иерархия восстанавливается. Второй раз кубок появляется как дар Николая корабельному музею – это несомненно попытка поднять Дмитрия из забвения наверх. И наконец, согласно преданию, кубок тонет с кораблем во время войны, он буквально идет на дно, что вполне соответствует внутренней логике мифа, но противоречит историческим фактам, так как «Лейтенант Ильин» отнюдь не затонул во время русско-японской войны. Более того, кубок Ильина отнюдь не фантом, он хранится в коллекции Государственного музея керамики.[48]

В рассказе Сэма история жизни героя тоже представляет собой путешествие снизу («его мать была крестьянкой») вверх («стал Чесменским героем»), снова вниз («умер в деревне Ильинка в бедности») и вновь вверх («в городе Тамбове есть памятник Димитрию»). Даже характерные для Ильина пьянство и эпилепсия – «падучая» – вполне укладываются в натуру трикстера, шута, блаженного; они позволяют ему вскрывать внутреннюю природу вещей, взрывать иерархию социального космоса – вспомним, что больным эпилепсией древние приписывали внутреннее прозрение или мудрость, или напомним поговорку: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке».

Потомки Николая, потерявшие связь с Россией более века назад и имеющие очень смутное представление о русской истории, смогли сохранить это предание на протяжении 230 лет именно потому, что оно было построено как миф – живой миф, который постепенно обрастал реалиями, привнесенными их собственным опытом. Более того, Дмитрий Ильин, как и положено мифологическому герою, приобретает черты не реального, а мифологического предка – рассказчики уверены, что он их прямой предок, но точно не могут определить свое родство с ним. Например, Нелли говорит о нем как о «предке», Сэм и Ромелио считают, что он был прадедом Николая, брат Сэма, Рене Макай, говорит о нем, как об отце Николая, в то время как сам Николай в автобиографии называл его «двоюродным дедом». Разыскания, проведенные по моей просьбе в генеалогии Ильиных в петербургских, московских и саратовских архивах, не выявили никакого прямого родства между предками Николая и Ильиным-чесменцем. Если родство и было, то уходит оно в глубь веков, куда-нибудь в шестнадцатый век, а то и раньше.[49]

Итак, моя очередная попытка сопрячь семейные предания с фактами вновь потерпела неудачу. Мне не оставалось ничего иного, как принять Дмитрия в качестве мифологического предка – тогда все становилось на свои места, даже вера Ильиных в то, что в их жилах течет царская кровь. Аборигенка Гленда Иллин, правнучка Николая Ильина, как-то сказала мне с большим достоинством: «Да, отец говорил нам, что мы в родстве с русскими царями, но

мы никогда не считали, что, благодаря этому, мы лучше, чем другие люди». Надо сказать, что и предания в семьях непосредственных потомков Ильина-чесменца тоже возводят их происхождение к Рюрикам и утверждают, что основателем их ветви был князь Константин, младший брат князя Александра Невского. К этому же предку, хоть и с некоторой долей условности, – впрочем, как во всех генеалогиях такого давнего времени, – можно возвести и наших Ильиных (см. Генеалогию Н.Д. Ильина).

Что же до мифологии, то она имеет свою собственную «правду», или, по крайней мере, свою внутреннюю логику. В один прекрасный день, когда я уже отчаялась найти «истину», связанную с русским прошлым Ильиных, и английский вариант этой книги шел в печать, я получила электронное письмо от Натальи Юденич, письмо, которое я так долго ждала. Эта замечательная женщина, бывший инженер, а ныне генеалог-любитель, которая в те голодные постперестроечные годы между визитами в архивы занималась выращиванием картошки на своем садовом участке, чтобы прокормиться зимой, обнаружила в Военно-морском архиве удивительный документ. Он свидетельствовал, что действительно в 1776 году на торжественной церемонии, когда Екатерина II награждала чесменских героев, Дмитрий не смог устоять на коленях перед царицей. Она, тем не менее, дала ему кубок, из которого выпила за его здоровье, но это падение перед царицей или эпилепсия вызвали последовавшую вскоре после этого отставку Ильина.[50]

Потом на неделю связь с Натальей Юденич прервалась, друзья сообщили, что на ее участок напал колорадский жук, и она поехала на дачу спасать картошку. А затем последовала новая находка – письмо, написанное Николаем Ильиным в Аргентине и адресованное «Обществу господ офицеров крейсера "Лейтенант Ильин"» – отчаянная просьба о помощи. В письме Николай рассказывал, что в 1886 году, когда был построен крейсер, в газетах появилось обращение к наследникам лейтенанта Д.С. Ильина с просьбой разыскать его портрет. Узнав об этом, Николай Ильин написал капитану крейсера Алексею Бирилеву (оказывается, капитан Вирилов из рассказа Сэма – это реальное лицо!), что «все наши фамильные портреты сгорели в деревне Ильинке», но у него есть две семейные реликвии – «бокал, из которого государыня Екатерина вторая пила здоровье моего деда по возвращении флота из Чесмы в Кронштадте и древний образок святого Николая Чудотворца, который предки мои носили на груди в Полтавской и Бородинской битвах, Дмитрий Сергеевич под Чесмой, а отец мой покойный (полковник Елизаветградского гусарского полка) в трех военных кампаниях: турецкой, польской и венгерской». Хотя это было его единственное достояние, Николай решился подарить бокал крейсеру. В знак благодарности Бирилев обещал (от имени царя, как полагал Ильин), что его сыновья будут помещены в «Морское училище на казенный счет» и что Николаю будет возвращено его родовое имение Ильинка, проданное за долги его родителей. Однако, ничего из обещанного не осуществилось.

Тем временем, – исповедовался Николай перед офицерами, – после неудачи с выставкой картины Ге, «затягиваясь мало-помалу в нужду, выселяемый с семьею из квартиры, я истратил 1900 рублей чужих денег в надежде, что клиентка не скоро явится за их получением и я успею пополнить эту недостачу. На несчастье она не только явилась неожиданно, но даже не захотела дать мне отсрочку на две недели. Заявив в тот же день судебной власти, она оставила мне альтернативу: или скрыться, или отдать на скамью подсудимых на поругание до сих пор честное и украшенное лаврами предков имя Ильина. Я мог рассчитывать на снисхождение, даже на оправдание со стороны присяжных заседателей, но избежать огласки и скандала не мог. Тогда я скрылся за границу.

С тех пор прошел год и девять месяцев. Семья моя влачит в Петербурге жалкое существование. Жена моя своей иглой зарабатывает на всех хлеб. Я же, прибывши в Аргентину, 21 месяц несу добровольную каторгу с одним из моих сыновей 12 лет... Часто дни проходят без куска какой бы то ни было пищи, и мой мальчик мужественно замалчивает свой голод... И если бы с ссылкой не был сопряжен позор, о, как бы охотно я променял это существование даже на Сахалин, лишь бы с семьей!! В течение 21 месяца я не хотел чужой помощи и упорно добивался какого-либо успеха, чтобы скопить деньги на дорогу семье; но теперь я изнемог и решаюсь просить Вас господ: "Помогите моей бедной жене как братья во Христе, как дворянин дворянину, как офицеры крейсера "Лейтенант Ильин" крошкам-правнукам патрона вашего корабля"».[51]

Так наивно и трогательно было это воззвание к памяти легендарного лейтенанта (который вовсе и не был его дедом) – как будто он взывал к своей собственной упущенной жизни...

* * *

Вот мы и нашли «истину», проступившую сквозь хитросплетения семейных легенд. Но истина ли это? Имеем ли мы право сказать, что это и есть та самая,

единственная правда? Не уподобимся ли мы тогда Понтию Пилату с его высокомерно-презрительным «Что есть истина?» перед Христом, затравленным, осужденным на смерть за его «истину». Была такая «истина» и у Николая. И каким бы ни было его преступление, он искупил его таким страданием, что нам, из нашего настоящего, не должно его судить. Он молил русский народ в своем «Покаянии»:

Отпусти мне все те прегрешенья,
Лишь за то, что я каюсь теперь
И за то, что впоследствьи лишенья
Я сносил словно загнанный зверь.[52]

Может быть он и плакал тогда перед Христом Ге потому, что он, больше, чем кто-либо другой, узнал в этом затравленном и опозоренном Христе своего брата, свое потаенное альтер эго. Воплотить этот идеал в реальную жизнь Николаю опять не удалось, он потерял почти все – родину, честь, семью и деньги. И все же он нашел силы подняться и опять начать жизнь с нуля с тем, что у него осталось – с его верной женой и тремя детьми, – на другом конце земли, в бревенчатой пастушьей хижине на склоне Анд.

Приложения:

Герб Ильиных

Генеалогия Николая Дмитриевича Ильина

Рюриковичи

Киевские князья

1 Рюрик: царствовал с 862, умер 879

2 Игорь: царствовал с 912, ум. 945

3 Святослав: царствовал с 964, ум. 972

4 Владимир (Святой): родился 960, царствовал с 980, ум. 1015

5 Ярослав: род. 978, царствовал с 1019, ум. 1054

6 Всеволод: род. 1030, царствовал с 1076, ум. 1093

7 Владимир Мономах: род. 1053, царствовал с 1113, ум. 1125

8 Юрий Долгорукий: царствовал с 1155, ум. 1157

Владимирские князья

9 Всеволод Большое гнездо: род. 1154, царствовал с 1176, ум. 1212

10 Ярослав: род. 1191, царствовал с 1238, ум. 1246

Галицкие князья

11 Константин: род. ок. 1225, царствовал с 1247, ум. 1255

12 Давид: ум. 1280

13 Федор: ум. 1335

14 Иван

15 Дмитрий: царствовал с 1359, изгнан в Новгород 1362

16 Василий

17 Борис

18 Семен ОСИНА

19 Борис ТРЕТЬЯК

20 Ляпун ОСИНИН

21 Иван ОСИНИН

22 Семен ЛЯПУНОВ: в начале XVI в переехал в Рязанское княжество

23 Илья Меньшой: основатель рода Ильиных

24 Семен ИЛЬИН: род. ок. 1560[53]

25 Борис ИЛЬИН: род. ок. 1595, владел деревней Ильиной в Рязанской губернии

26 Василий ИЛЬИН, прапорщик: род. ок. 1660

27 Лев ИЛЬИН, лейтенант: род. ок. 1695, ум. ок. 1743 = Авдотья Степановна

28 Алексей ИЛЬИН, драгун: род. ок.. 1728

29 Сергей ИЛЬИН, лейтенант: б. 1757, переехал с территории Рязанской-Тамбовской губернии в Саратовскую губернию = Татьяна СВИЩОВА

30 Николай ИЛЬИН, лейтенант: род. 1781

31 Дмитрий ИЛЬИН, лейтенант-полковник: род. 6.01.1811, ум. 19.12.1853[?] = Евгения Ивановна ПОТОЦКАЯ: род. ок. 1827, Польша

32 Николай ИЛЬИН: род. 27.11.1852 (1849?), Ильинка, Саратовская губерния, ум. ок. 1922, Сан Педро Сула, Гондурас◆

(продолжение сдедует)

[1] Ильин, Дневник толстовца, с. 223.
[2] Ильин, Дневник толстовца, с. 70-71.

[3] Веди себя хорошо, успокойся.
[4] Ильин, Дневник толстовца, с. 131-134.
[5] Ильин, Дневник толстовца, с. 40.
[6] Ильин, Дневник толстовца, с. 42-43.
[7] Ильин, Дневник толстовца, с. 48.
[8] Ильин, Дневник толстовца, с. 55-56.
[9] Н. Д. Ильин - А. К. Ильиной, октябрь 1890, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 62.
[10] Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 333.
[11] Ильин, Дневник толстовца, с. 102, 106.
[12] Ильин, Дневник толстовца, с. 117-120.
[13] Ильин, Дневник толстовца, с. 128-129, 134-135.
[14] Ильин, Дневник толстовца, с. 140, 147, 182-183, 226; Ильин – Ильиной, 21.11.1890; Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 344.
[15] Ильин, Дневник толстовца, с. 192, 221-223, 232.
[16] Ильин, Дневник толстовца, с. 271-272.
[17] Ильин, Дневник толстовца, с. 274.
[18] Ильин, Дневник толстовца, с. 280.
[19] Ильина - Ге, 1.02.1891; Ильин, Дневник толстовца, с. 22, 33, 36–39; Стасов, Николай Николаевич Ге, 332
[20] Ильин - Ге, апрель-май 1891; Ильина - Ге, 14.05.1891; Ильин, Дневник толстовца, с. 281–287.
[21] Гражданин, 11.02.1892; Русская мысль, 1892, № 4, с. 155–156; Северный вестник, 1892, № 6, с. 75–79; Репин, Письма к писателям и литературным деятелям, с. 89.
[22] Стасов, Николай Николаевич Ге, с.345–346.
[23] Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 365–366, 346.
[24] Л.Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 88, с. 200.
[25] В.М. Лукин, “Ильин, Н.Д.”, - Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь, т. 2, М., 1992, с. 413; В. Порудоминский, Николай Ге, М.: Искусство, 1970, с. 228-229; Е.Н. Арбитман, Жизнь и творчество Н.Н. Ге, Саратов, 1972, с. 246.
[26] Ильин - Ге, 28.01.1891, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 14.
[27] Ильин, Дневник толстовца, обложка, с. 130 (экземпляр Леандро Иллина, Нью Орлеан, США).
[28] Ильин, "Автобиография", л. 3 об.; Н.Д. Ильин - С.А. Венгерову, [апрель] 1892 г. - ИРЛИ, ф. 377, №. 1347, л. 6–7.
[29] Флора Хулихэн - письма автору, август 1995, 14.09.1995; интервью с членами семьи Ильиных (пленки 17A274, 1A443, 6B021, 3A369); Ричард Иллин, интервью на Таунсвильском радио (архив Веры Иллин, Маланда, Австралия); Ромелий Ильин – Юрию Ясневу, корреспонденту «Правды» в Австралии, 11.10.1967, с.1. – Архив Ю.Н. Яснева, Москва (я благодарна Юрию Ясневу за этот документ).
[30] Flores, ‘Memoirs’, с. 4.
[31] R. Illin, ‘En la Frontera’.
[32] Ильин, Песни земли, с. 27–34, 102.
[33] Ильин, Песни земли, с. 5.
[34] Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 365.
[35] Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 346.
[36] Флора Хулихэн - письмо автору, 16.08.1995; Mackay, ‘Genealogical Tree’, с. 3–4; Список пассажиров, прибывших на «Мендозе» 29 июня 1897 г., вебсайт http://ancestry.com. Много позже Леандро сам писал, что он уехал из России в Аргентину в 1893 году: L. Illin, ‘Correspondence’, *Herbert River Express*, 23 November 1940, p.6.
[37] Mackay, ‘Memoirs’, с. 1–2.
[38] П.А. Кошель, История сыска в России, Минск, 1996, т. 1, с. 447–452.
[39] Flores, ‘Memoirs’, с. 4.
[40] Flores, ‘Memoirs’, с. 4; Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 331; Л.Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 65, с. 142, т. 51, с. 225 (комментарии).
[41] Я благодарна Антону Вальдину и Надежде Васильевне Рыжак за поиск, проведенный в архивах и библиотеках Москвы, и Сергею Чернову, Борису Старкову и Александру Массову за поиск в архивах Санкт-Петербурга.
[42] Flores, ‘Memoirs’, с. 1–2; Mackay, ‘Genealogical Tree’, с. 1–2.
[43] Tape 17A439.
[44] Ромелий Ильин – Юрию Ясневу, с. 19 (цитируется в орфографии подлинника).
[45] Генерал И.А. Ганнибал был сыном знаменитого арапа, А.Р. Ганнибала, привезенного в Россию Петром Первым и ставшего дедом Александра Пушкина.
[46] "Ильин Д.С." - Русский биографический словарь, репринт, Нью-Йорк, 1962, т. 8, с. 97–98; "Ильин Д.С." - Большая советская энциклопедия, т. 10, Москва, 1972, с.135; Г. Гераков, Твердость духа русских, Петроград, 1813, с. 50, 57–68; Е.В. Тарле Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774). – В кн.: Три экспедиции русского флота. М., 1956, с. 72-81; С.М. Соловьев, История Росии с древнейших времен, кн. XIV, М.: Мысль, 1968, с. 381-383; С.А. Морозов, Ильин Д.С. Герой Чесменского сражения. – СПб.: «Сударыня», 2005; В. Скворцов, Лейтенант Ильин: истина подвига, - Вече Твери, 9 апреля 2007.
[47] Не углубляясь в предмет, я отмечу лишь, что с кубком или чашей связан разнообразный символизм, имеющий отношение к мифу Ильиных о чесменском герое. Так, например, Гелиос наградил Геракла за его смелость волшебным золотым кубком (десятый подвиг Геракла); Христос поднял во время тайной вечери чашу с вином - «Это моя кровь», - что рассматривается как символ отпущения грехов и примирения.
[48] Е.В. Долгих. Русское стекло XVIII в. М., 1985.
[49] Я благодарна Валентине Проводиной, Александру Массову, Антону Вальдину и Наталье Юденич за собранные ими материалы по генеалогии Ильиных.
[50] А. Кротков, О неточностях публикуемых сочинений, - РГА ВМФ, ф. 417, оп. 6, д. 83, л. 170 об.
[51] Н.Д. Ильин – команде корабля «Лейтенант Ильин» 22.05.1894, РГА ВМФ, ф. 2, оп. 1, д. 7, л. 73–74.
[52] Ильин, Песни земли, с. 102.
[53] Семен Ильин и его сын Борис, записанные в генеалогиях рюриковичей, по моему предположению идентичны с Семеном Ильиным и его сыном Борисом, которые, согласно делу о дворянству наших Ильиных, являются основателями их рода. Отождествление сделано на основании их происхождения из одного и того же района в Рязанской губернии и возраста.
На этом уровне линия наших Ильиных могла иметь родство в Ильиным-Чесменцем, генеалогия которого следующая: Тимофей – Денис – Василий – Сергей – Дмитрий (1738–1802).